

Н. Ю. ГВОЗДЕЦКАЯ
Ивановский университет

**ТОЛЕРАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
 КАК МОДЕЛЬ ХРИСТИАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
 В ИСТОРИИ КРЕЩЕНИЯ СКАНДИНАВИИ X ВЕКА
 (на материале «Круга Земного» Снорри Стурлусона)***

Толерантность — терпимость к чужому образу мысли и поведения — едва ли не самое специфическое достижение нового времени, связанное с развитием диалогического характера культуры и появлением идеи исторического прогресса. В древности образ «чужого» наполнялся скорее негативными импликациями и провоцировал более конфликтное противостояние, нежели сочувственное понимание. В христианском мирозерцании осмысление «чужого» приобрело дихотомическую раздвоенность: тезису о любви к врагам¹ противостоял тезис о разделении родных², а милосердие к окружающим и конформизм к власти отнюдь не исключали готовности пойти на конфликт и принять мученичество за веру. «Свой» и «чужой», «ближний» и «дальний» превращались в относительные понятия: тот же Симон Петр, который по божественной благодати был призван в числе первых учеников Христа, мог получить от Иисуса весьма нелестный эпитет в случае неприятия им божественной воли³.

Тем не менее именно христианство впервые положило любовь и прощение в основу человеческого поведения, отдавая терпению главенствующее место в отношениях людей и оставив для нетерпимости лишь сферу греха как повреждения или «уклонения». Вместе с тем в реальной жизни толерантное поведение далеко не сразу было осознано как условие, без которого сама христианская проповедь теряла свой смысл. Нужна была прозорливость папы Григория Великого, чтобы, отправляя миссию в англосаксонскую Британию, наставлять миссионеров не разрушать «храмы идолов», но ограничиваться только уничтожением одних идолов⁴. В раннесредневековой Скандинавии, где христианизация совпала с «эпохой викингов» — эпохой усиления власти военных вождей, крещение нередко приобретало отнюдь не мирные формы, как об этом красноречиво повествует «Круг Земной» (собрание саг о норвежских королях, составленное в начале XIII в. на материале разнообразных устных и письменных источников исландским ученым и политическим деятелем Снорри Стурлусоном): нетерпимость «ко греху» повсеместно оборачивалась нетерпимостью к тем, кто не хотел

Наталья Юрьевна Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Ивановского университета. Изучает культуру и языки германских народов раннего средневековья.

* Исследование проведено при поддержке РФФИ (проект № 00-06-80111).

¹ «Любите врагов ваших» (Мф. 5. 44).

² «ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» (Мф. 10. 34-35).

³ «Отойди от Меня, сатана!» (Мф. 16. 23).

⁴ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv. СПб., 2001. С. 39-40.

оставить веру предков. В результате в историографии закрепился трафаретный образ «крещения огнем и мечом» и его оправдания в христианском самосознании, так что, по остроумному замечанию М. И. Стеблин-Каменского, сам рассказ Снорри мог бы показаться современному читателю «написанным с целью вызвать отвращение к христианству и государственной идеологии»⁵.

Между тем подобная установка явно противоречила бы, по мнению того же исследователя, «наивной объективности праисторика»⁶ — каковым оставался, несмотря на всю свою ученость, Снорри. Произведение Снорри, благодаря сопричастности самому жанру «саги»⁷, лишено тенденциозности — точка зрения автора еще не вполне отграничена в нем от мнения «молвы», которая и сохранила в памяти потомков события трехсотлетней давности. Данная особенность делает королевские саги, приписываемые перу Снорри, ценным источником по изучению не только событийной, но и ментальной истории раннесредневековой Скандинавии.

Настоящая статья представляет попытку оценить роль и восприятие «толерантного» и «конфликтного» поведения в истории крещения Скандинавии на материале четырех «королевских саг» в составе «Круга Земного» («Сага о Харальде Прекрасноволосом», «Сага о Хаконе Добром», «Сага о Харальде Серая Шкура» и «Сага об Олаве сыне Трюггви»), действие которых охватывает X в. Нарратологический анализ источника позволяет обнаружить, что, несмотря на обилие в процессе крещения Скандинавии конфликтов (в том числе военных), «толерантное поведение» воспринималось как идеальная модель, отвечающая духу новой религии, а «конфликтное поведение» — как вызванное теми или иными историческими обстоятельствами отклонение от идеала, не нарушающее, однако, его целостности.

Первым крещеным норвежским конунгом (правителем) стал, согласно «Кругу Земному», Хакон Добрый, последний из многочисленных сыновей Харальда Прекрасноволосого, объединителя Норвегии. Своим крещением Хакон обязан конфликту язычника Харальда с христианским королем Англии Адальстейном⁸: Харальд вынудил Адальстейна взять малолетнего Хакона на воспитание (воспитатель считался по статусу ниже отца воспитанника) в отместку за то, что Адальстейн хитростью заставил его принять в дар меч (знак подчинения). Вначале сага никак не отмечает какого-либо этического превосходства христианина над язычником: «Из этих столкновений конунгов видно, что каждый из них хотел быть больше другого. Однако достоинство ни того, ни другого не пострадало от этого» (с. 65)⁹. Напротив, зачинщиком конфликта выступает Адальстейн, желая сделать Харальда своим подданным, и он же первым в гневе хватается за меч, услышав унижительную просьбу «воспитать сына от рабыни» (с. 64), а Харальд, наоборот, проявляет спокойствие и выдержку, избирая наименее кровавый способ мести. Тем не менее именно Адальстейн первым идет на уступку и велит «крестить Хакона и обучить его правой вере, а также добрым

⁵ Стеблин-Каменский М. И. «Круг Земной» как литературный памятник // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 584.

⁶ Там же. С. 584.

⁷ Вслед за М. И. Стеблин-Каменским сага рассматривается здесь как плод «неосознанного авторства», то есть как повествование, первоначально основанное на устной традиции и чуждое субъективному манипулированию фактами. О неосознанном авторстве в сагах, в том числе приписываемых перу Снорри Стурлусона, см. работы: Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. М., 1984; Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 93-134.

⁸ Английский король Этельстан правил с 924 по 939 г.

⁹ Здесь и далее рус. пер. источника цит. с указанием стр. по изд.: Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980.

правам и куртуазному обращению» (с. 65). Характерно, что в этом первом упоминании в тексте памятника христианство выступает как религия не только «правильная», но «высокая» в этическом и культурном плане. На фоне подобной характеристики последующее нежелание норвежских бондов принять веру правителя, которому они сами помогают захватить власть на родине после смерти отца, таит в себе негативные импликации.

«Сага о Хаконе Добром» создает идеальный портрет Хакона Воспитанника Адальстейна: он «желает каждому добра и обещает бондам вернуть их отчины, которые Харальд у них отнял» (с. 67). Ему противостоит в саге его брат Эйрик Кровавая Секира, который, приняв крещение от того же Адальстейна (в знак договора охранять английские берега от датских викингов), нарушает мир, разоряя Англию своими набегами, и погибает в битве. И хотя Эйрик тоже «принял правую веру» (с. 68), но лишь о Хаконе сказано, что «он был также хорошим христианином» (с. 65). Здесь различается крещение, принятое по политическим соображениям, и обращение как личный акт веры.

Характерно, однако, что сама способность к личному акту веры не меняла обязанностей и поведения конунга: в военных походах Хакон так же, как и его братья, «грабил народ, одних убивал, других брал в плен, с некоторых брал выкупы» (с. 71). Власть конунга базировалась на двух началах, которые одинаково акцентированы в саге: умении мстить врагам и поддерживать благополучие страны — мир и урожай. Последнее требовало, по понятиям того времени, совместных жертвоприношений языческим богам. Пока Хакон «соблюдал воскресенья и постился по пятницам» (с. 74), это никому не мешало; ропот поднялся, когда он стал, приходя на жертвенный пир, принимать пищу отдельно от других. Таким образом, конфликт возник из-за того, что его личные убеждения пришли в столкновение с обязанностью конунга — совершать языческие обряды ради процветания страны.

Пока Хакон не считал себя достаточно сильным и нуждался «в любви всего народа» (с. 74), он скрывал свое христианство, а жертвенные пиры давал от лица конунга его сподвижник, ярл Сигурд. Но когда он «заручился поддержкой некоторых знатных людей», то «объявил, что хочет ввести христианство по всей стране» (с. 74). Бонды посчитали это насильем и воспротивились. Тем не менее далее поведение конунга остается вполне толерантным (за что он и получил свое прозвище): он не угрожает, а только просит; соглашается перенести дело на тинг; наконец, идет на разные уловки, которые придумывает для него Сигурд, чтобы объяснить его поведение народу (так, крестное знамение, которым осенил конунг жертвенную пищу, истолковывается как знак молота, символического атрибута языческого бога Тора). И все же бонды не останавливаются перед насильем: они убивают священников и сжигают церкви, выказав перед тем на тинге опасение, что конунг намеревается превратить их в рабов (бонды отстаивают свободу хозяйствовать на земле, когда им вздумается, возражая против воскресного отдыха, а батраки выступают против поста). Конунгу приходится отказаться даже от крестного знамения на пиру, и он уезжает разгневанный. Сигурду удается уговорить Хакона помириться с народом ввиду военной угрозы. Конфликт исчерпан, однако терпимость к общественным установлениям оборачивается для Хакона насильем над собственной личностью. Хакон остается в памяти потомков образцовым конунгом¹⁰, но перед смертью раскаивается в своем временном отступничестве¹¹. «Хороший ко-

¹⁰ «... и враги, и друзья оплакивали его и говорили, что такого хорошего конунга никогда больше не будет в Норвегии» (с. 86).

¹¹ «Если же мне будет суждено остаться в живых, то я бы хотел уехать из страны к христианам и искупить свои прегрешения перед Богом» (с. 85).

нунг» и «хороший христианин» оказывались в той реальности не до конца совместимыми. Даже и в смерти своей Хакон не идет наперекор законам предков¹² — он был похоронен по языческому обряду и с почестями препровожден в Вальгаллу. Однако в «Саге о Хаконе Добром» толерантность конунга-христианина к язычникам является вынужденной, объясняется лишь сложившейся в стране обстановкой и, возможно, не оценивается как модель христианского самосознания ни героем, ни рассказчиком.

В «Саге о Харальде Серая Шкура», преемнике Хакона на норвежском престоле, Харальд и его братья (сыновья Эйрика Кровавая Секира) выступают, как и их отец, полной противоположностью Хакону Доброму — «они всюду, где только могли, разрушали капища и мешали жертвоприношениям, чем вызывали ненависть к себе», тем не менее и «им не представлялось возможности крестить людей в стране» (с. 89). Их разрушительная деятельность, направленная против язычества, оценивается в саге скорее как следствие их алчности, нежели стремления защитить христианство, и потому имеет негативные ассоциации¹³. Новая религия является для них лишь политической уловкой, с помощью которой они могут притеснять соотечественников — но именно поэтому их конфликтное поведение не связывается в саге напрямую с верой. Настоящий конфликт между христианами и язычниками разворачивается лишь в «Саге об Олаве Трюггвасоне», первом норвежском конунге из рода Харальда Прекрасноволосого, который не только — хоть и на короткий срок — восстановил единовластие в Норвегии, но и добился обращения в свою веру всей страны. Поэтому анализ этой саги представляет особый интерес.

Олав, сын Трюггви, выросший на чужбине, с детства ведет себя как человек своей эпохи — не задумываясь, мстит убийце своего воспитателя, ходит в викингские походы и захватывает богатую добычу, путем выгодных браков приобретает дружбу правителей и ищет славы. Однако его приход к власти на родине представлен в саге не как результат обычной борьбы за престол, но как предуказание свыше — вернуть в Норвегию христианскую веру. Как и прежде, истинная вера противопоставляется в рассказе не только язычеству, но и поверхностному обращению в христианство.

Еще будучи язычником, Олав с дружиной принимает участие в походе, который предпринял «кейсар Отта»¹⁴ против Дании с целью ее христианизации. После победы Отты датский конунг Харальд, сын Горма, и его союзник норвежский ярл Хакон крестились, но вскоре Харальду донесли, что по возвращении в Норвегию «Хакон ярл отрекся от христианства и разоряет земли датчан» (с. 118). Построение данной фразы в тексте предполагает некую причинно-следственную связь, которая существовала в сознании рассказчика между отречением от христианства и тем, что Хакон пошел на конфликт со своим господином (ранее Хакон принял земли в Норвегии в лен от датского конунга, который помог ему одолеть норвежского конунга). Возвращение Хакона к язычеству представлено в саге как сознательный и преднамеренный акт, через который ярл стремился обеспечить не столько благосостояние своему народу (как это было прежде при восстановлении им капищ, разоренных его предшественником Харальдом Серая Шкура)¹⁵, сколько приобретение единоличной

¹² «Если же я умру здесь в языческой стране, то похороните меня, как вам нравится» (с. 85).

¹³ «Им нужно было много средств на содержание, и они были очень алчными. Они не очень соблюдали законы, которые ввел Хакон конунг, разве что эти законы были им на руку» (с. 89).

¹⁴ Оттон II, император Священной Римской империи с 973 по 983 г.

¹⁵ «Хакон... требовал, чтобы по всей его державе почитали капища и совершали жертвоприношения. < ... > В первую зиму, когда Хакон правил страной, сельдь подходила к берегам по всей стране, а в предыдущую осень посевы хорошо взошли всюду».

власти¹⁶. Стремление это, отчасти объяснимое давлением на ярла со стороны конунга¹⁷, выливается далее в самодурство ярла¹⁸, которое и приводит его к гибели (лишившись поддержки бондов, Хакон погибает от руки собственного раба).

Следует отметить, что сага никоим образом не проводит параллелей между язычеством и склонностью к насилию (долгое время народ ценил именно мир и благоденствие, которые воцарились с приходом язычника Хакона к власти¹⁹), но скорее предостерегает от возможных последствий слишком большого доверия к праву, основанному на силе. Вместе с тем и христианство не связывается автоматически с толерантным поведением. Правда, крещение датского конунга Харальда и его сына Свейна (крестным отцом последнего выступил сам кейсар) изображено не как результат прямого насилия, но как следствие убеждения и демонстрации чуда²⁰ — и в этом явно проглядывает восприятие толерантности как специфически христианской модели самосознания (в сущности, после победы кейсара крещение могло бы совершиться и без дополнительных мирных уговоров). Однако ни Харальд (который «держался христианской веры до самой смерти», с. 115), ни Свейн оказываются не способными уступить друг другу в борьбе за престол, и Харальд умирает от ран, полученных в битве с сыном (с. 119). Более того, на тризне по отцу (где как бы между прочим поднимается также и «кубок в память Христа», с. 120), Свейн в присутствии дружины дает обет, что он «пойдет походом на Англию и убьет Адальрада конунга²¹» (с. 120), своего собрата по вере²².

Иным представлено в саге обращение Олава, сына Трюггви, и при этом показательно, что оно совершилось не в войске кейсара, а позже и при других обстоятельствах. Во время викингских походов, желая узнать, «будет ли он править державой и какова вообще будет его судьба» (с. 116), Олав отправляется к некоему прорицателю, который оказывается христианским отшельником и предсказывает ему не только славное будущее, но и роль крестителя. Серьез-

¹⁶ Ср.: эпизод жертвоприношения Хакона после отплытия из Дании в Гаутланд, во время которого «прилетели два ворона и стали громко каркать. Ярл решил, что, значит, Один принял жертвоприношение и будет помогать ему в бою. Он тогда высадился на берег... и стал разорять страну» (с. 114).

¹⁷ «А когда они встретились, конунг заставил ярла принять крещение < ... > и сказал, что ярл должен заставить креститься весь народ в Норвегии» (с. 114).

¹⁸ «Но с течением времени случилось так, что ярл стал распутничать. Доходило до того, что по его велению хватали дочерей почтенных людей и приводили к нему домой, и он делил с ними ложе неделю или две, а потом отсылал домой» (с. 127).

¹⁹ «Пока Хакон ярл правил Норвегией, в стране были хорошие урожаи, и бонды соблюдали мир между собой, и большую часть его жизни бонды любили его» (с. 127). Характерно, что даже позорную смерть Хакона сага приписывает лишь его «неvezению» и неумению идти в ногу со временем: «... он соединял в себе многое, что нужно в правителе < ... > Но этому могущественному правителю очень не повезло в день его смерти. И причиной этому было в основном то, что настали времена, когда стали осуждать язычество и язычников, и святая вера и правильные нравы заступили их место» (с. 131-132). Все же позитивную этическую оценку получает здесь именно христианство.

²⁰ «... было заключено перемирие, и назначена встреча. < ... > Тогда святой епископ Поппо стал проповедовать христианскую веру Харальду конунгу. Поппо пронес раскаленное железо в руке и показал Харальду конунгу, что его рука не была обожжена. Тут Харальд конунг крестился со всем датским войском» (с. 114).

²¹ Английский король Этельред Неразумный правил с 978 по 1016 г.

²² Подобное поверхностное христианство явно не одобряется рассказчиком: «А на следующее утро, когда йомсвикинги отрезвели, они поняли, что наговорили лишнего» (с. 120). Как показывает сага, Свейн Датский и в дальнейшем отличался малой щепетильностью при достижении своих целей.

ность, с которой отнесся Олав к этой роли, акцентируется в саге и тем, как тщательно проверяет он истинность предсказаний, и желанием все досконально узнать о новой вере²³. Весьма характерен мотив учения и учености, которым сопровождается упоминание новой веры, сразу сообщаящий ей высокое культурное звучание²⁴. В связи с этим иной характер приобретает в жизнеописании Олава оценка конфликтных ситуаций и конфликтного поведения: его стремление занять норвежский престол отныне неотделимо в повествовании от исполнения им высокой миссии. Рассказ о задуманной и осуществленной им христианизации Норвегии дает немало примеров жестокости. Вместе с тем появляются нарративные приемы, которые показывают, что Олав все же следовал в своем поведении некоему «толерантному образцу», даже если его не вынуждали к тому обстоятельства. Там же, где он изменяет этому образцу, ему изменяет и его счастливая судьба.

Олав является в Норвегию как победитель: крестив под угрозой смерти Оркнейского ярла и заручившись его поддержкой, по прибытии домой он одним ударом разделяется с сыном Хакона ярла, дает улечься ненависти бондов к убитому рабом Хакону, выставляя его тело на растерзание, и избирается конунгом на всенародном тинге. Но он не хочет выглядеть захватчиком, и потому еще до прибытия на родину разузнает о готовности бондов принять его как правителя. Он демонстрирует благородство, веля отрубить голову предателю-рабу, убийце Хакона, который рассчитывал на награду.

Его появление на родине отчасти похоже на появление Хакона Доброго в стране, уставшей от притеснений Эйрика Кровавая Секира, однако с существенным отличием — избрание Хакона на тинге напоминает торговую сделку, которая ставит его в зависимость от бондов²⁵, в то время как Олав предоставляет бондам просить себя²⁶. Он также провозглашает христианство, заручившись поддержкой знатных людей, но применяет к непослушным жесткие меры²⁷, на что не решился Хакон. Вначале этому благоприятствовала и политическая обстановка: внутри страны у Олава не было столь опасных соперников, как сыновья Эйрика у Хакона, а его внешние противники — Дания и Швеция — были заняты войной с другими странами. Лишь впоследствии вокруг него образуется враждебная коалиция в лице Свейна Датского, Олава Шведского

²³ «Тогда Олав увидел, что этот человек сказал ему правду и что он настоящий прорицатель, откуда бы ни бралось его знание будущего. Олав пошел поэтому во второй раз к этому человеку и долго с ним беседовал. Он расспрашивал его, откуда у него такая мудрость, что он может предсказывать будущее. Отшельник ответил, что сам Бог христиан открывает ему все, что он хочет знать, и он рассказал ему также о многих чудесных делах Бога. Благодаря этим увещаниям Олав согласился принять крещение, и вот Олав и все его спутники крестились. Он довольно долго оставался там и учился правой вере, и взял с собой оттуда священников и других ученых людей» (с. 116).

²⁴ Миссионеры-иерархи выступают в тексте в устойчивом сочетании с «учеными людьми», ср.: «Он послал в Англию за епископом и другими учителями христианства» (с. 74), «Конунг дал ему священников и других ученых людей» (с. 114). Интересно, что отплывая в Норвегию и отрекаясь от христианства, Хакон ярл прежде всего «спровадил на берег всех ученых людей и вышел в море» (с. 114), то есть отказался от приобщения к более высокой культуре, которая ставила рассуждение впереди потребительского магизма, связанного с культом языческих богов.

²⁵ «... он просит бондов дать ему сан конунга, а также оказать ему поддержку и помощь в том, чтобы удержать этот сан. В обмен он обещал вернуть им в собственность их отчины» (с. 67).

²⁶ «Собралось великое множество народа, и они не хотели ничего слышать кроме того, что Олав сын Трюгви должен быть конунгом» (с. 132).

²⁷ «... а тех, кто противился, он подвергал жестоким наказаниям, некоторых убивал, других велел покалечить, а еще других изгонял из страны» (с. 133).

и Эйрика, сына ярла Хакона, что и приводит к его гибели. Любопытно, что роль этой внешней коалиции выявляется в саге по мере ужесточения его внутренней политики, когда исчерпывается запас его толерантности: как герой древних эпических сказаний, Олав фактически сам «выращивает свою судьбу»²⁸. Вначале же его конфликтное поведение сглаживается посредством особых нарративных приемов.

Появление новых черт в поведении Олава в связи с обращением в новую веру упоминается в саге сразу после его крещения: по прибытии в Англию «он стоял там в одной гавани и вел себя мирно, так как Англия была крещеной, и он тоже был теперь крещеным» (с. 116). Это не означает, однако, что он отказывается от участия в викингских походах. В той же главе упоминается его поход в Ирландию, но без подробностей, кроме одной, свидетельствующей о его способности идти на уступки, — однажды, когда его дружина согнала к берегу чужой скот, он разрешил некоему бонду взять назад своих коров (обыкновенно викинги совершенно не считались с местным населением).

Неуступчивым Олав становится тогда, когда речь идет о введении христианства в Норвегии²⁹. Но и здесь сага говорит, что вначале конунг обращается к бондам «дружественно», просит их «красивыми словами» и лишь потом прибегает к угрозам (с. 134). Когда же Олав заходит в конфликтах с язычниками слишком далеко, ему нередко приходит на помощь чудо: например, бонды, которые захотели возразить конунгу на тинге, были внезапно поражены разными недугами (кашлем, хрипом и заиканием), так что не смогли вымолвить ни слова, и победа осталась за Олавом (с. 134–135). По отношению к колдунам Олав применяет распространенный тогда способ мести — их сжигают в доме во время пира. Но когда один из них, случайно уцелевший Эйвинд Болото, пытается в отместку навести на Олава густой туман, он сам становится жертвой своего колдовства (с. 138). Олав долго уговаривает креститься двух корабельщиков, держит их в оковах и угрожает смертью. Потом корабельщики таинственно исчезают, но впоследствии по доброй воле возвращаются к Олаву и принимают крещение, в чем явно присутствует элемент чуда (с. 143–144). Золотое кольцо, снятое Олавом с двери капища (за которое бонды собирались мстить Олаву), неожиданно обнаруживает свой фальшивый характер (внутри него оказалась медь), так что конфликт разрешается как бы сам собой — мстить вроде бы уж и не за что (с. 136–137). Наконец, в дело вмешивается сам бог Один, который является, по своему обыкновению, под видом одноглазого старика в широкополой шляпе и пытается завлечь Олава умными разговорами «о конунгах или древних событиях» (с. 139). Олав с интересом и почтением слушал старика (епископу пришлось не раз напомнить конунгу, что пора спать), но отказался съесть идоложертвенную пищу, подброшенную гостем. Этот эпизод показывает не только терпимость, но и известное уважение Олава к языческой старине — твердость Олав проявляет тогда, когда покушаются на его личные права.

В других случаях Олав принимает предлагаемые условия крещения и использует при этом не прямое насилие, а какую-нибудь уловку. Так, он заставляет свою сестру принять предложенного бондами жениха, которого она отвергла из-за его низкого происхождения, послав ей ощипанного сокола — знак его гнева (с. 135). В ответ на убийство Железного Скегги при разорении капища конунг предлагает не только выплатить виру его родным, но и жениться на

²⁸ О значении судьбы в жизни германца эпохи великого переселения народов см.: Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979. С. 25-56.

²⁹ «На всех тингах с бондами он велел людям креститься, и люди крестились, так как бонды не смели восстать против конунга» (с. 134).

его дочери Гудрун. А когда та в первую брачную ночь пытается заколоть спящего Олава в постели, он просто отпускает ее домой (с. 141–142). В разговоре с Халльфредом Трудным Скальдом Олав с трудом выносит его дерзости, но соглашается быть его крестным отцом и господином (с. 149). С бондами, которые яростно требовали от него сохранения язычества, «конунг говорил примирительно», так что и «бонды смягчились и стали говорить спокойно и миролюбиво» (с. 140). Конунгу удается убедить этих бондов в абсурдности языческих обычаев, когда он предлагает им принести в жертву за урожайный год и мир их знатнейших людей, от чего они, разумеется, отказываются³⁰. Олав ценит ученость и доблесть прибывшего из Страны Саксов миссионера Тангбранда, но не хочет держать его при себе из-за заносчивого нрава и отправляет крестить Исландию. Когда Тангбранд после совершенных убийств потерпел неудачу, конунг грозил исландцам расправой, но потом «прислушался к их речам» (с. 150) и сменил гнев на милость.

Почти всегда сага дает насильственным действиям конунга оправдательную мотивировку, иногда прибегая к объяснениям из области сверхъестественного. Так, убийство под пытками упорного язычника Эйвинда оправдывается, очевидно, тем, что Эйвинд сам заявляет о себе, что он «дух, оживший в человеческом теле благодаря колдовству финнов» (с. 145). Казнь другого заядлого язычника, Рауда Могучего (напоминающая языческий ритуал казни эпического героя Гуннара, брошенного в ров со змеями)³¹, оправдывается, с одной стороны, его богохульством, а с другой — волей свыше, ибо путешествие конунга к Рауду ознаменовано чудесным прекращением бури на море. Однако накопление в саге подобных эпизодов создает впечатление, что заимствование конунгом конфликтных методов борьбы у своих противников³² каким-то образом отражается на его собственной судьбе.

Губительную роль начинают играть в его жизни женщины. Конфликт с Сигрид Гордой (вдовой шведского конунга, к которой посватался Олав), вызванный ее отказом принять «правую веру», явно не выдержан в толерантных тонах — Олав оскорбляет ее ударом по лицу³³, и это несмотря на завере-

³⁰ «Но когда бонды увидели, что у них недостает людей, чтобы оказать сопротивление конунгу, они стали просить пощады и отдались воле конунга» (с. 141).

³¹ Ср.: «Тогда конунг разгневался и сказал, что Рауд умрет самой худшей смертью. Он велел взять Рауда, привязать его лицом вверх к бревну и вставить ему палку между зубов, чтобы его рот был открыт. Затем он велел принести змею и приставить ее ко рту Рауда. Но змея не захотела вползти в рот и лезла, извиваясь, назад, так как Рауд дул на нее. Тогда конунг велел принести пустой стебель дудника и вставить его в рот Рауду. А некоторые люди рассказывают, что конунг велел вставить ему в рот свою трубу. Змею заставили вползти, поднеся к ее хвосту раскаленное железо. Она вползла в рот Рауда, а затем в горло и прогрызла ему бок. Тут Рауд простился с жизнью» (с. 147) и «Конунг Атли велел вырезать у Хегни, живого, сердце. Так он погиб. Гуннара он велел бросить в змеиный ров, но ему тайком передали арфу, и он ударял по струнам пальцами ног — руки у него были связаны — и играл так, что все змеи уснули, кроме одной гадюки. Гадюка же подползла к нему и, прокусив хрящ под грудинную костью, всунула голову в отверстие и висела у него на печени, пока он не умер» (Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. Л., 1970. С. 138). О связи героического эпоса с мифом и ритуалом см.: Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979. С. 7-25.

³² После убийства Рауда Олав проявляет не только жестокость, но и алчность: «Олав конунг захватил там много серебра и золота, и другого добра, оружия и разных драгоценностей. А всех людей, которые были с Раудом, конунг велел крестить, а тех, которые не хотели креститься, он велел убить или пытать. <...> Олав конунг захватил корабль, который был у Рауда, и сам правил им... <...> Это был самый красивый корабль во всей Норвегии» (с. 147).

³³ Оправданием Олаву служит, пожалуй, лишь то, что ранее сама Сигрид решила сжечь в доме его родственника только за то, что тот надоедал ей своим сватовством.

ния Сигрид, что она не возражает против того, чтобы Олав оставался при своей вере. Сигрид не забывает оскорбления и впоследствии, выйдя замуж за датского конунга Свейна, сына Хакона, подговаривает его совершить вероломное нападение на Олава. Кстати, именно после убийства Рауда Олав, по словам саги, делается отчасти уязвимым для темных сил³⁴. Нарастанию дурных предчувствий способствует и эпизод с мастером, который при постройке корабля для Олава вдруг, поддавшись тщеславию и зависти, портит ту часть своего творения, которая была изготовлена другим человеком (с. 151-152).

Удобным случаем для нападения на Олава со стороны врагов послужила рискованная поездка в земли вендов, спровоцированная уговорами его жены. Сама женитьба Олава на Тюри — сестре датского конунга Свейна, которая была насильно выдана замуж за правителя вендов Бурицлава, но потом бежала, не желая ни пить, ни есть с язычниками (с. 154) — обнаруживает слабое место в характере Олава, его максимализм³⁵. Но по иронии судьбы именно Тюри, играя на сочувствии Олава к себе как жертве языческого террора, заставляет его взяться за дело, которое не имеет никакого отношения к его жизненной цели, — вернуть оставленное ею у вендов имущество. Друзья отговаривают его, Олав и сам чувствует бесполезность этой поездки и, чтобы доказать Тюри свою любовь, приносит ей первую удивительно рано расцветшую ветку дягиля (редкий трогательный эпизод в фактографической манере саги), но напрасно — жена требует своего (с. 155). Проявляя в этом второстепенном вопросе излишнюю толерантность, Олав изменяет своему высокому предназначению и, попав в ловушку в датских проливах, гибнет в морском сражении.

Таким образом, агрессивность и алчность в отношениях с «чужими» оборачивается в конце концов мягкотелостью к «своим» и приводит героя к смерти. Чрезмерная конфликтность и чрезмерная толерантность трактуются в саге как равно бессмысленные модели поведения, однако Олав, первый креститель Норвегии, в конце концов оказывается жертвой первой модели, и в этом, думается, проявляется ведущее место толерантности в христианском самосознании творцов саги. Даже будучи чрезмерной, толерантность оправдывает Олава в глазах потомков, в то время как его конфликтность оказывается способной бросить на него некую тень. Недаром его характеристика в саге делится на две противоположные части, причем вторая, описывающая его жестокость, звучит как скрытое порицание³⁶.

Хакон Добрый и Олав сын Трюггви оказываются трагическими фигурами скандинавской политической жизни X в. в силу неразрешенности противоречия двух культурных моделей поведения (старой германской и новой христианской) в эпоху, которая требовала его разрешения. Хакон Добрый проявляет толерантность к своим подданным в области веры и вступает в конфликт с совестью; Олав сын Трюггви доходит до агрессии при обращении своих подданных, но в личной сфере выступает жертвой толерантности.

³⁴ «... и во время этой поездки случилось много такого, о чем ходят рассказы: тролли и злые духи подшучивали над его людьми, а подчас и над ним самим» (с. 147).

³⁵ Поведение Тюри повторяет поведение самого Олава, отказавшегося жениться на Сигрид только потому, что она желала пребывать в язычестве.

³⁶ «Олав конунг очень любил повеселиться и пошутить, был приветлив и прост в обращении, горячо за все брался, был очень щедр, любил выделяться своей одеждой и в битве превосходил всех своей храбростью. Но он бывал крайне жесток, когда гневался, и своих недругов он подвергал жестоким пыткам: кого велел сжечь в огне, кого — отдать на растерзание свирепым псам, кого — покалечить или сбросить с высокой скалы» (с. 150).

Идея наказания судьбы за агрессию, разумеется, не могла быть выражена явно у народа, жившего еще идеалами древнегерманской военной героики, которая возводила конфликтность в ранг доблести. Тем более нельзя ожидать явной формулировки христианского самосознания в тексте, нацеленном не на авторское самовыражение, а на изложение фактов как достояния «молвы». Тем не менее проведенный нарратологический анализ, как кажется, способен пролить свет на соотношение конфликтности и толерантности в христианском самосознании раннесредневекового скандинавского общества.

Усилия Олава по обращению своих соотечественников в «правую веру» отчасти оправдывают в глазах рассказчика его агрессивность: вышеупомянутая характеристика Олава, приоткрывающая две стороны его поведения, заканчивается словами: «...друзья любили его, а недруги боялись. Он во всем добивался успеха, потому что одни выполняли его волю из любви и преданности, а другие из страха» (с. 150). Однако конец саги, сообщающий об обращении сыновей ярла Хакона, которые получили власть в Норвегии после смерти Олава, акцентирует иное: «И Эйрик ярл, и Свейн ярл крестились и приняли правую веру. Но когда они правили Норвегией, они никому не навязывали христианства. Они хорошо соблюдали старые законы и все обычаи страны. Их любили, и они были хорошими правителями» (с. 167). Эти завершающие сагу слова остаются в сознании читателя как явное выражение идеала толерантного поведения в христианском самосознании раннесредневековой Скандинавии.

SUMMARY

The present paper «Tolerant behaviour as a model of Christian self-perception in the history of the conversion of Scandinavia (at the material of Heimskringla by Snorri Sturluson)» is an attempt to evaluate the role and perception of the «tolerant» vs. «conflict» behaviour in the history of conversion of Scandinavia at the material of four «sagas of the kings» (Haraldssaga Hárfagra, Hákonarsaga Gupa, Haraldssaga Grófeldar and Ylófssaga Tryggvasonar) included in Heimskringla by Snorri Sturluson, the well-known Icelandic writer of the XIII century, and covering the events of the Xth century. Narratological analysis of the sagas helps to discover that in spite of the fact that the process of conversion in Scandinavia abounded with conflicts (including military ones) the «tolerant behaviour» remained an ideal model inherent in the spirit of the new religion while the «conflict behaviour» was more often perceived as a kind of deviation from the ideal produced by some historical circumstances without destroying the ideal itself.